

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если память мне не изменяет, эти рассказы появились между 1958 и 1964 годом. Четыре из них я написал еще в колледже, а пятый, «Секретная интеграция» (1964), — работа уже ремесленника, а не подмастерья. Не исключено, что вы успели узнать, какой это может быть удар по самолюбию — перечитывать что бы то ни было, написанное вами двадцать лет назад, хоть бы и росчерки на оплаченных чеках. Первой моей реакцией, когда я перечитал эти рассказы, было «господи боже мой», далее последовали физиологические симптомы, от описания которых я воздержусь. Затем я подумал, не переписать ли всё от и до. На смену этим двум импульсам пришел один из тех эпизодов зрелой безмятежности, когда я делаю вид, будто способен трезво оценивать молодого писателя, каким был тогда. Сами посудите — не могу же я взять и вычеркнуть его из жизни. С другой стороны, если бы при содействии какой-нибудь еще недоступной нам техники я столкнулся с ним на улице, так ли уж за-

Томас Пинчон. Нерадивый ученик

хотелось бы мне ссудить его деньгами, а то и, не знаю, пригласить в бар, чтобы вспомнить за кружкой пива дела давно минувших дней?

Будет только честным предупредить даже самых благорасположенных читателей, что здесь полно пассажиров весьма утомительных, а также несовершеннолетних и преступных. Остается лишь надеяться, что, сколь бы претенциозно, придурочно или необдуманно эти рассказы порой ни звучали, они будут все же полезны, со всеми своими бережно сохраненными недостатками, как иллюстрация типичных проблем ранней прозы и предостережение насчет определенных практик, которых начинающим авторам лучше бы избежать.

«Мелкий дождь» — это был мой первый опубликованный рассказ. Конкретику обеспечил один друг, служивший в армии те же два года, что я на флоте. Буря действительно имела место, и его отделение связистов действительно выполняло задачу, описанную в рассказе. Изрядная часть того, что мне не нравится в моей манере письма, присутствует здесь как в зародыше, так и в более развитых формах. Начать хотя бы с того, что я не распознал: проблема главного героя достаточно интересна сама по себе, чтобы сгенерировать историю самостоятельно. Вероятно, мне казалось, что непременно

Предисловие

нужно наложить дополнительный слой образов дождя и отсылок к «Бесплодной земле» и «Прощай, оружие!». Моим лозунгом было «Добавь литературности» — плохой совет, который я высосал из пальца и которому сам же последовал.

Похвастать хорошим слухом в плане диалога я тоже никак не мог, особенно ближе к концу рассказа. Региональные акценты я тогда распознавал, мягко говоря, не вполне. Я обратил внимание, как в армии голоса сливаются в некий общеамериканский сельский говорок. Со временем итальянские гопники из Нью-Йорка начинали разговаривать как некая усредненная деревенщина, а матросы из Джорджии, возвращаясь из отпуска, жаловались, что никто их не понимает — они, мол, стали говорить как янки. То, что мне, как северянину, представлялось «южным акцентом», на деле было лишь этим общеармейским говором, не более того. Мне казалось, что в прибрежной Вирджинии гражданские говорят «уу» вместо «оу», но я не понимал, что в разных регионах этого реального или гражданского Юга, даже в разных районах Вирджинии, народ говорит с совершенно разным акцентом. Та же ошибка заметна в тогдашних фильмах. В сцене в баре моя проблема не только в том, что девушка из Луизианы говорит с (плохо слышанными, если уж на то пошло) луи-

зианскими дифтонгами, но хуже того — я делаю это опорным сюжетным элементом: это важно для Левайна и влияет на развитие сюжета. Ошибка моя в том, что я пытался щегольнуть слухом, прежде чем толком его развил.

Что самое неприятное, сердцевину истории составляет ущербное восприятие рассказчиком темы смерти. Любые разговоры о «серьезности» в литературе отражают в конечном счете отношение к смерти — как персонажи поступают в ее присутствии, например, или как реагируют на нее более опосредованно. Все об этом знают, но молодым писателям почти никто этого не объясняет — возможно, чувствуя, что человеку в возрасте подмастерья от такого совета проку не будет. (Подозреваю, научная фантастика и фэнтези настолько популярны у молодежи именно потому, что, когда время и пространство трансформированы так, что герои могут произвольно перемещаться по всему континууму, избегая физических опасностей и темпоральной фатальности, тема смертности едва ли возникает.)

В «Мелком дожде» персонажи реагируют на смерть самым незрелым образом. Они избегают всего с ней связанного: спят допоздна, используют эвфемизмы. А если упоминают смерть, то норовят отделаться шутками. И что хуже всего, они связывают ее

Предисловие

с сексом. Можно заметить, что ближе к концу рассказа происходит некий сексуальный эпизод — хотя собственно по тексту этого никак не скажешь. Язык вдруг становится вычурным до неудобочитаемости. Возможно, дело не только в моей личной подростковой нервозности на предмет секса. Помнится, такая нервозность была свойственна всей тогдашней студенческой культуре. Вдобавок это была эра «Вопля», «Лолиты» и «Тропика Рака» — и всех спровоцированных ими правоохранительных эксцессов. Даже американское мягкое порно тех времен погружалось в абсурдный символизм, лишь бы не описывать секс. Сейчас это кажется смешным, но тогда подобные ограничения ощущались явственно.

По-моему, сейчас рассказ интересен не столько устарелостью и незрелостью письма, сколько классовым ракурсом. Если воинская служба в мирное время чем-то и хороша, так это тем, что наблюдаешь в микрокосме точный срез общества в целом. Даже юный ум осознаёт, что непризнанные расслоения гражданской жизни явно и зримо отображаются в армейском делении на «офицеров» и «рядовых». В изумлении понимаешь, что люди с высшим образованием, расхаживающие в хаки со звездами и наделенные серьезными полномочиями, могут быть полными идиотами. И что парни из рабочего

класса, теоретически вроде бы подверженные идиотизму, на деле куда более склонны проявлять компетентность, отвагу, человечность, мудрость и другие достоинства, которые образованный класс привык ассоциировать с собой. Хотя дилемма сформулирована в литературных терминах, Толстозадый Левайн должен выбрать, кому он верен. Как аполитичный студент пятидесятых, я тогда об этом не подозревал — но задним числом понимаю, что пытался разрешить внутренний конфликт, характерный для всех начинающих авторов того времени.

На простейшем уровне это был вопрос языка. С самых разных сторон — Керуак и битники, Сол Беллоу в «Приключениях Оги Марча», только начинавшие тогда Герберт Голд и Филип Рот — показывали нам, как в прозе могут законно сосуществовать по меньшей мере два совершенно разных типа английского языка. Законно! Оказывается, так можно писать! Кто бы мог подумать? Эффект был возбуждающий, освобождающий и крайне положительный. Речь шла не о выборе «или/или», а о расширении возможностей. Едва ли мы сознательно стремились к некоему синтезу — хотя, наверно, надо было. Впоследствии, в шестидесятых, успех «новых левых» будет ограничен неспособностью студентов и «синих воротничков» объединиться политически. И одна из

Предисловие

причин тому — реальные, невидимые силовые барьеры, препятствующие общению между группами.

Как и почти все остальное в те дни, конфликт существовал приглушенно. На литературном фронте это выражалось как противостояние традиционной и битнической прозы. Издалека доносились отголоски происходившего в Университете Чикаго. Была, например, «чикагская школа» литературной критики, пользовавшаяся немалым уважением. В то же время случилась редакционная перетряска в «Чикаго ревью», по итогам которой возник «Биг тейбл» — журнал бит-направленности. Выражение «что случилось в Чикаго» использовали как символ некой невообразимой подрывной угрозы. И подобных дискуссий было множество. Несмотря на безусловный вес традиции, нас привлекали такие центробежные соблазны, как эссе Нормана Мейлера «Белый негр», широкая доступность джазовых пластинок и один из великих, как я по-прежнему считаю, американских романов — «В дороге» Керуака.

Немалый побочный эффект (на меня, по крайней мере) оказали и «Бродячие школяры» Хелен Уодделл, переизданные в начале пятидесятых и рассказывавшие о молодых средневековых поэтах, которые массово покидали монастыри и отправлялись странст-

зовать по Европе, воспевая разновидности опыта, недоступные в университетских стенах. С учетом нашей тогдашней академической атмосферы, параллели провести было нетрудно. Не то чтобы в колледжах была скука смертная, но информация о всякой альтернативной жизни в нижних слоях коварно просачивалась через плющевые препоны, намекая на тот другой мир, что бурлил где-то за пределами. Некоторые из нас поддавались-таки искушению вылезти наружу и проверить, что там происходит. Многие возвращались и делились передовым опытом и вдохновляли других своим примером — предвестие массового ухода студентов из университетов в шестидесятые.

С бит-движением я пересекся по касательной. Как и все, я подолгу торчал в джаз-клубах, максимально растягивая обязательный минимум в две пинты. По ночам я надевал темные очки в роговой оправе. Я ходил на чердачные вечеринки, где девушки носили странные наряды. Меня чрезвычайно занимали всякие шутки о марихуане, хотя говорили об этом полезном веществе куда больше, чем оно было доступно. В 1956 году в Норфолке, Вирджиния, я забрел в книжный магазин и обнаружил первый номер «Эвергрин ревью» — раннего форума для битнических идей. У меня буквально открылись глаза. Я тогда служил на флоте, но уже

Предисловие

знал людей, которые рассаживались в кружок на палубе и распевали, с идеальной раскладкой на голоса, все эти ранние рок-н-роллы, играли на бонгах и саксофонах, искренне горевали, когда умер Птаха, а потом и Клиффорд Браун. Вернувшись в университет, я обнаружил профессоров, которых пугала обложка свежего номера «Эвергрин ревью», не говоря уж о содержании. Казалось, некоторые литературные фигуры воспринимали бит-поколение примерно так же, как некоторые офицеры у меня на корабле — Элвиса Пресли. Они подходили к тем из команды, кто казался наиболее вероятным источником информации (например, причесывался под Элвиса). «Что он хочет сказать? — нервно выспрашивали они. — Что ему вообще нужно?»

Это был переходный момент, странный постбитнический эпизод культурной истории, когда мы пытались хранить верность и нашим и вашим. Как боп и рок-н-ролл относились к свингу и послевоенной поп-музыке, так же новая литература относилась к той модернистской традиции, которую мы усваивали в университете. Увы, других базовых выборов нам не предлагалось. Мы были не более чем наблюдателями: парад уже прошел, и мы получали все из третьих рук, потребляя то, что нам скармливали тогдашние медиа. Это не мешало нам имитировать

битников в меру сил, и впоследствии, как постбитники, мы глубже осознали, до чего же это было разумное и достойное утверждение американских ценностей — таких, в какие нам всем хотелось бы верить. Когда десятилетие спустя появились хиппи, мы хотя бы временно ощутили некую ностальгию и запоздало поняли, что были правы. Воскресли бит-пророки, люди стали играть альт-саксофонные риффы на электрогитарах, опять вошла в моду восточная мудрость. Все то же самое, только другое.

Не обошлось и без минусов: обе формы движения излишне упирали на юность, в том числе вечную. Толком оценить юность я по юности, конечно, не мог, но я снова поднимаю тему незрелости оттого, что недоразвитым отношением к сексу и смерти дело не ограничивалось: подростковые ценности с удивительной легкостью могли прокрасться исподтишка и попортить вполне симпатичного, казалось бы, персонажа. Так, увы, и случилось с Деннисом Флэнджем в «К низинам низин». Это вообще, можно сказать, не рассказ, а лишь набросок персонажа, образ без развития. Старик Деннис по ходу дела особо не «растет». Он пребывает в статике, а его фантазии становятся яркими до неприличия — и больше не происходит ничего. В лучшем случае некое прояснение фокуса — но никакого разрешения проблемы,

Предисловие

так что ни жизни там почти нет, ни движения.

В наши дни уже не секрет, особенно для женщин, что многие американские мужчины, даже зрелые на вид, в костюмах и с работой, на деле, как это ни удивительно, остаются в душе маленькими мальчиками. Таков и Флэндж — хотя, когда я писал эту историю, мне казалось, что он вполне себе клевый чувак. Он хочет детей (почему — остается необъясненным), но не ценой того, чтобы разделить какую-либо реальную жизнь со взрослой женщиной. Решение для него — это Нерисса, женщина детских габаритов и поведения. Уже точно не помню, но, кажется, мне хотелось добиться некой неопределенности: что, если она лишь порождение его фантазий? Было бы легко отговориться тем, что вся проблема — не Денниса, а моя и что я лишь проецирую ее на него. Так или этак, но проблема была распространенная. В то время я не имел никакого непосредственного опыта брака или воспитания детей и, может быть, улавливал некие общие мужские настроения, витавшие в воздухе, — например, почерпнутые со страниц журналов для мужчин, особенно «Плейбой». Едва ли он транслировал исключительно личные ценности своего хозяина: если бы мужчины Америки не разделяли этих ценностей, «Плейбой» быстро прогорел бы.

Забавно, что сперва Деннис вовсе не предназначался на роль центрального героя — я видел в нем лишь партнера-простака для главного комика, Свина Будина. Собственно, реальный прототип этого небезупречного матроса и послужил отправной точкой. Историю о медовом месяце я услышал, когда служил на флоте, от одного знакомого коммандора. Наш корабль стоял в Портсмуте, Вирджиния, и нас послали в наряд в береговой патруль. Патрулировали мы пустынный кусок периметра верфи — сплошные рельсы, заборы из проволочной сетки, ни единого хулиганистого матроса, которого потребовалось бы призвать к порядку, — и плюс холод стоял собачий. Так что на моего товарища, как на старшего по патрулю, пала обязанность травить флотские байки, и это была одна из них. То, что и вправду случилось с ним в его медовый месяц, я устроил Деннису Флэнджу. Особенно повеселило меня не столько содержание байки, сколько абстрактная убежденность в том, что на его месте так поступил бы каждый. Как выяснилось, собутыльник моего напарника фигурировал в огромной массе флотского фольклора. Переведенный в береговую службу еще до моего прихода на флот, он успел превратиться в легенду. Накануне моей демобилизации, возле казарм норфолкской базы, мне наконец довелось повстречать его на утрен-

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. Перевод А. Гузмана.....	5
МЕЛКИЙ ДОЖДЬ. Перевод А. Захаревич, Н. Махлаюка, С. Слободянюка	37
К НИЗИНАМ НИЗИН. Перевод А. Захаревич, Н. Махлаюка, С. Слободянюка	83
ЭНТРОПИЯ. Перевод С. Кузнецова.....	121
ПОД РОЗОЙ. Перевод А. Захаревич, Н. Махлаюка, С. Слободянюка	153
СЕКРЕТНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ. Перевод А. Захаревич, Н. Махлаюка, С. Слободянюка	217
Примечания	
А. Гузман, С. Кузнецов, Н. Махлаюк, С. Слободянюк	305